

УДК 343.23

Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления

В.Н. Винокуров,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института ФСКН России
Россия, Красноярск
vinokursiblaw@mail.ru

Рассматриваются целесообразность признания в качестве объекта преступления человека и его благ (аксиологический подход) либо общественных отношений (функциональный подход). Автором обосновывается, что, несмотря на всю привлекательность признания объектом преступления человека, такой подход не имеет практического значения.

Ключевые слова: человек, объект преступления, общественные отношения, личность, потерпевший.

В последнее время в теории уголовного права происходит пересмотр многих теоретических положений, в том числе касающихся объекта преступления. Это выражается в отходе от традиционного признания объектом преступления общественных отношений и предложении рассматривать в качестве такового человека или его блага [23, с. 149; 24, с. 60; 26, с. 202]. Важность вопроса о том, что является объектом преступления, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, о чем будет сказано ниже.

Одним из доводов отрицания общественных отношений как объекта преступления является то, что признание их объектом преступления ставит отношения на высшую ступень иерархии социальных ценностей и получается, что уголовный закон существует ради порядка отношений. Хотя любое преступление всегда нарушает те или иные общественные отношения, это, тем не менее, не образует сущности общественной опасности преступления, так как преступление причиняет вред определенным ценностям (благам), а через них — личности, обществу, государству, ради охраны которых и существует уголовный закон [12, с. 30].

Рассмотрим возможность использования в качестве объекта преступления такого понятия, как «благо». Благо — ценностное понятие, общий характер которого порождает трудность в его определении, проявляющуюся в том, что благо нередко определяется через понятие «ценности», а «ценности» — через понятие «блага». Объект может выступать в качестве блага или не быть таковым в зависимости от того, какие стороны, свойства включены во взаимоотношения с человеческими потребностями [1, с. 161—163]. Понятие «благо» не конкретизировано: это то ли вещь материального мира, то ли нечто субъективное

из сферы восприятия этой вещи. Использование его в качестве объекта преступления приведет к терминологической путанице, когда объектом преступлений против собственности необходимо будет признавать материальные блага. Понятие «благо» охватывает явления, существенно различающиеся по степени обобщенности, например вещь и общественная безопасность [4, с. 24; 6, с. 15; 16, с. 234]. К категории «благо» безусловно относятся такие явления, как жизнь, здоровье, достоинство человека. «В то же время, — отмечает В.П. Емельянов, — представляется далеко не безупречным отнесение к категории «благо», к примеру, деятельности тюремной системы, посягательство на которую преследуется в уголовном порядке. Это вынужденный атрибут государственной власти, который вряд ли можно назвать благом для человека и человечества» [9, с. 65—66].

Термин «ценность» (благо) можно употреблять только для характеристики свойств явлений в системе общественных отношений. Явление становится общественной ценностью, только если оно удовлетворяет потребности общества, и у общества возникает потребность обеспечить условия для существования и использования этого блага. Так, для отдельных людей некоторые предметы имеют большую ценность (фотографии близких родственников), но их хищение или уничтожение не является преступлением, поскольку они не представляют общественной ценности [33, с. 25—26]. Поэтому не стоит противопоставлять любую социальную ценность (жизненный интерес, правовое благо или что-нибудь иное) общественным отношениям. Рассматривать объект преступления как правовое благо или социальную ценность можно только в рамках отношений, элементами которых они являются

ся и по поводу сохранности которых отношения складываются. Обозначать объект преступления через понятие «ценность» можно лишь в целях экономии, но не по существу [32, с. 103—104].

Кроме этого, рассмотрение в качестве объекта преступления блага в смысле, который вкладывает в него А.В. Наумов, ведет к смешению объекта и предмета, что затрудняет разграничение преступлений и соответствует формальному определению преступления, когда указывается на его противоправность, а не общественную опасность [15, с. 90—91]. В то же время, признавая объектом хищения общественные отношения, А.В. Наумов признает объектом при убийстве блага (интересы). Получается, что понятие «объект» для различных преступлений трактуется по-разному, чего быть не должно.

По мнению А.В. Наумова, признание общественных отношений объектом преступления основывается на марксистском понимании сущности человека как «совокупности всех общественных отношений» [23, с. 147]. Следует отметить, что К. Маркс в работе «Тезисы о Фейербахе» писал: «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [21, с. 3]. Поэтому выражение: «Человек есть совокупность общественных отношений», — строго говоря, не совсем точно, так как общественные отношения выражают социальную сущность, но не всего человека как явления. Человек может существовать лишь как элемент социальной системы и перестает существовать вне ее [8, с. 28]. Трактовать общественные отношения как сущность человека значит выводить эту сущность за его пределы. Логичнее считать не общественные отношения сущностью человека, а человека — их сущностью [2, с. 458]. Выдвижение личности на первое место не игнорирует общественные отношения как объект преступления, поскольку обеспечивают интересы личности. Поэтому общим объектом преступления следует признать личность и отношения, обеспечивающие ее интересы [30, с. 10].

Признание объектом преступления не общественных отношений, а людей или блага, на первый взгляд, обоснованно, но с ним сложно согласиться. Во-первых, авторы ссылаются на положения теории уголовного права досоветского периода, где объектом преступления признавались правовые блага как конкретные отношения и состояния, охраняемые законом под угрозой наказания. Во-вторых, из внима-

ния упускается, что в советский период объект преступления рассматривался не с позиции ценностей — как объект уголовно-правовой охраны, а в основном как элемент его состава. В-третьих, вне общества и существующих в нем отношений ни личность, ни ее интересы немислимы. Воздействие на участников (носителей) отношений не означает, что непосредственным объектом преступлений является только личность человека, его жизнь, так как в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года (далее — УК РФ) имеются другие преступления против жизни человека, описанные в других его главах [19, с. 107—108].

Таким образом, когда речь идет о личности как объекте преступления, он (объект) рассматривается в ценностном аспекте как объект уголовно-правовой охраны всей совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом, и как родовой объект преступлений, указанных в разд. VII УК РФ «Преступления против личности». Такое понимание объекта уголовно-правовой охраны не противоречит традиционному пониманию механизма причинения вреда общественным отношениям, так как сторонники объекта преступления как интереса или блага едины в рассмотрении в качестве объекта преступления одного из элементов структуры общественного отношения, т.е. какой-то части целого. Причинение вреда части причиняет вред целому. Так, если у стола сломана ножка, это значит, что сломан весь стол. Преступление выражается в причинении вреда, в первую очередь, интересам, благам, субъекту отношений, в конечном счете, вред причиняется и общественным отношениям [5, с. 31]. Закон охраняет жизнь каждого и всех, утверждая нерушимость такой организации общества, которая обеспечивает любому его члену личную безопасность [27, с. 53—54]. Утверждение о том, что при посягательстве на жизнь конкретного человека нарушаются только его права, неверно, так как это не соответствует сущности уголовного права. При убийстве объектом преступления выступают интересы всего общества, поскольку тот, кто убит, один из нас. «В этом утверждении, — по обоснованному мнению Н.М. Кропачева, — нет принижения абсолютной ценности человека как биологического существа, есть только констатация фактического положения вещей» [18, с. 110].

Природа преступления заключается в том, что оно, причиняя вред отдельному участнику отношений, причиняет вред всему обществу. Если признавать, что преступление причиняет вред только конкретному субъекту, то тогда конфликт между виновным и потерпевшим следовало бы разрешать в частном порядке.

Наличие института примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) не означает, что государство отдает на усмотрение потерпевшего решение вопроса о том, являются те или иные деяния преступными или нет, оно лишь предоставляет потерпевшему право выбрать пути разрешения конфликта. Если под последствиями преступления понимать только физические (материальные), а не социальные изменения в действительности, например людей, имущество, то невозможно обосновать уголовную ответственность иностранца, совершившего на территории Российской Федерации преступление против другого иностранного гражданина. Это легко сделать, если признать объектом преступления общественные отношения [3, с. 103]. Признавая объектом преступления человека вне системы общественных отношений, нельзя обосновать правомерность лишения жизни посягающего в состоянии необходимой обороны, кроме этого, непроступным следует признавать и причинение смерти и вреда здоровью по просьбе самого потерпевшего, хотя это является преступлением. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала правильной квалификацию действий Г. по ч. 2 ст. 108 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (ч. 4 ст. 111 УК РФ), который по просьбе гражданина Б. отрубил ему кисть руки [10, с. 24].

В то же время умышленное причинение смерти осужденного к смертной казни, родственниками потерпевшего, является убийством, поскольку осужденный к смертной казни продолжает находиться в системе отношений, охраняемых государством [34, с. 163—164].

Отнесение к объекту преступления человека не позволяет объяснить, почему в одних случаях причинение ему смерти по неосторожности следует квалифицировать по ст. 109 УК РФ, в других — по ст. 143 УК РФ или по ст. 264 УК РФ. Объяснить это можно, если объектом преступления признать отношения, складывающиеся по поводу безопасных условий труда (ст. 143 УК РФ), в сфере безопасности дорожного движения (ст. 264 УК РФ).

Приведенные доводы позволяют согласиться с тем, что отказ от объекта преступления как общественных отношений обусловлен не научными, а идеологическими соображениями, поскольку такую трактовку объекта преступления связывают с марксистским подходом к исследованию общественных отношений [33, с. 21; 34, с. 153—164]. По мнению Н.И. Коржанского, все попытки опровергнуть определение объекта преступления как общественных отношений вызваны двумя противоположными тенденциями: первая (положительная) — углубление и усовершенствование

понятий, функций, роли и значения для практического понимания объекта преступления; вторая — нежелание уяснить такую субстанцию, как общественные отношения [35, с. 103].

Таким образом, ценностный (аксиологический) подход при определении понятия объекта преступления не способствует решению практических задач его выделения, таких как разграничение смежных составов и определение действия границ уголовного закона. Для решения этих задач при определении объекта преступления необходимо использовать функциональный подход, при котором следует использовать понятие «общественные отношения», позволяющее наполнить его определенным содержанием, которое будет отвечать практическим потребностям уголовного права [7, с. 95].

В то же время, учитывая, что общественные отношения как типизированные устойчивые связи абстрактны, объектом уголовно-правовой охраны следует признавать не личность и не общественные отношения, а человека в системе общественных отношений. Это обусловлено тем, что уголовный закон охраняет не только личность, но и жизнь, здоровье и иные интересы новорожденных, еще не являющихся личностями, а также лиц, страдающих слабоумием, которые никогда не станут личностями [22, с. 69]. Поэтому, возможно, разд. VII УК РФ «Преступления против личности» следует переименовать в «Преступления против человека».

При этом в Особенной части УК РФ есть нормы, предусматривающие наказание за непосредственное воздействие на жизнь, здоровье, честь и достоинство человека (статьи 277, 295, 296, 317-319, 321 УК РФ), расположенные в других главах, в которых жизнь, здоровье, честь и достоинство человека выступают дополнительным объектом преступления, а основным — основы конституционного строя, интересы правосудия, порядок управления. Вторую группу составляют преступления, посягающие на комплексные отношения (в сфере общественной безопасности, здоровья населения), состоящие, как правило, в нарушении определенных правил безопасности, а жизнь и здоровье выступают дополнительным объектом (например, преступление, предусмотренное ст. 216 УК РФ) [11, с. 8]. Признавая несовпадение таких ценностей, охраняемых уголовным законом, как жизнь человека и порядок управления, сторонники наличия ст. 317 УК РФ как специальной нормы по отношению к норме, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, отмечают, что охрана жизни человека усиливается переносом момента его окончания на стадию покушения

на убийство, а также размером санкции, предусмотренной в ст. 317 УК РФ (от 12 до 20 лет лишения свободы), против санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 105 УК РФ (от 8 до 20 лет лишения свободы).

Авторы, выступающие за признание объектом преступления человека, упустили, что в ст. 317 УК РФ основным непосредственным объектом признается не жизнь сотрудника правоохранительного органа, а порядок управления, и не предлагают путей устранения этого противоречия. Так, В.С. Ткаченко считает, что виновный в этом случае посягает не на два объекта, а на два структурных элемента одного и того же отношения — управленческую деятельность и субъекта этой деятельности [31, с. 13]. По мнению П.В. Замосковцева, если преступление посягает на разнородные интересы, лежащие в различных сферах родовых объектов, например, ч. 2 ст. 188 УК РСФСР (ч. 2 ст. 313 УК РФ), необходимо говорить не об основном и дополнительном объектах, а о суммарном непосредственном объекте, состоящем из разнопорядковых общественных отношений и лежащих в их основе интересов [11, с. 4]. Почти аналогичной позиции придерживается С.В. Землюков, полагающий, что при разбое (ст. 162 УК РФ) неправомерно выделять основной и дополнительный объекты преступления, так как объект этого преступления является единым, включающим в себя два равнозначных обязательно взаимообусловленных понятия [13, с. 11].

С указанными авторами сложно согласиться, поскольку составы, приведенные ими в качестве примеров, условно можно разложить на два. Например, состав, предусмотренный ч. 2 ст. 313 УК РФ, состоит из элементов составов, указанных в ч. 1 ст. 313 УК РФ (основное преступление) и статьях 111, 112, 115 УК РФ (способ совершения преступления). При этом, учитывая, что побег с применением насилия является распространенным способом его совершения, законодатель объединил два состава в один (ч. 3 ст. 313 УК РФ). Разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ) также можно условно «разложить» на составные составы, предусмотренные ч. 1 ст. 161 УК РФ и статьями 112, 115 УК РФ. В то же время преступления, предусмотренные статьями 295, 296, 317—319, 321 УК РФ, аналогичным образом «разложить» нельзя.

Соответственно, возникает противоречие между положениями ст. 2 Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция РФ) о том, что человек есть высшая ценность, и УК РФ, поскольку никакие интересы органов власти и управления не могут быть выше по своей значимости жизни лица, осуществляющего государственное

управление или правосудие, поэтому в теории обоснованно предложено исключить из УК РФ статьи 277, 295, 317 [25, с. 24; 28, с. 8].

В то же время обоснованным является оставление нормы, предусмотренной ст. 277 УК РФ. Это обусловлено тем, что убийство государственного или общественного деятеля может дестабилизировать политическую ситуацию в отдельных регионах и создать угрозу причинения вреда значительному количеству граждан. Вопрос о систематизации двух-объектных преступлений определяется сопоставлением социальной значимости тех общественных отношений и личных интересов, на которые непосредственно воздействует преступление. Если личное благо обладает большей социальной ценностью, чем общественное, то нет оснований для исключения нормы, предусматривающей наказание за соответствующее посягательство, из системы преступлений против личности, и наоборот [14, с. 139].

Также термин «посягательство» следует заменить термином «убийство», поскольку под посягательством понимается как убийство, так и покушение на убийство. Поэтому если виновный не достиг желаемого — причинения смерти, а также ошибся в личности, например, причинил лишь средней тяжести вред здоровью родственнику судьи, которого он перепутал с судьей, то его действия следует рассматривать как покушение на покушение лица, осуществляющего правосудие.

Исключение из УК РФ специальных норм, устанавливающих наказание за совершение преступлений в отношении лица в связи с его служебной деятельностью, упростит установление интеллектуального критерия умысла. Так, вменяя состав преступления, предусмотренный ст. 317 УК РФ, необходимо установить, сознавал ли виновный, что посягает на общественные отношения в сфере порядка управления, что вряд ли возможно. Проще установить осознание причинения им смерти человеку в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности, чем вред отношениям в сфере правосудия или порядка управления, так как сознанием всегда охватывается наиболее полно ближайшее последствие, в данном случае смерть человека, а уже затем причинение вреда абстрактным отношениям в сфере порядка управления. Это исключит и конкуренцию норм при квалификации посягательств на лиц в связи с осуществлением ими своей служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Наличие норм, предусмотренных ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ, создает проблемы применения ст. 76 УК РФ. Если основным непосредственным объектом признавать интересы

государства в сфере управления, то освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим быть не может. Хотя, как справедливо полагает А.А. Куприянов, основным непосредственным объектом является здоровье представителя власти, так как суды применяют положения ст. 76 УК РФ. В 2009 году на основании ст. 76 УК РФ было прекращено 826 уголовных дел, возбужденных по ст. 318 УК РФ, и 908 дел, возбужденных по ст. 319 УК РФ [20, с. 56—58; 29, с. 51]. Представляется, что неприкосновенность отдельной личности наиболее эффективно должна обеспечиваться не на законодательном, а на правоприменительном уровне. В то же время, устанавливая в разд. VII УК РФ «Преступления против личности» ответственность за посягательства на представителя власти или лиц, осуществляющих правосудие, законодателю следует запретить в ст. 76 УК РФ освобождение виновного от уголовной ответственности в связи с его примирением с потерпевшим, осуществлявшим свою служебную деятельность.

Таким образом, выделение в УК РФ специальных норм, предусматривающих наказание за посягательство на человека в связи с его служебной деятельностью, ведет к загромождению закона [17, с. 19].

При этом статьи 115, 116, 119, 129, 130 УК РФ следует дополнить соответствующим квалифицирующим признаком: «...в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга» — и увеличить размер наказания, а главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» дополнить нормой, предусматривающей ответственность за угрозу уничтожения имущества в связи с осуществлением служебной деятельностью или выполнением общественного долга.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на всю привлекательность аксиологического подхода, при определении в качестве объекта преступления человека либо его благ он не имеет практического смысла. Более состоятельным, хотя и менее привлекательным, является функциональный подход, выражающийся в признании объектом преступления общественных отношений, что позволяет решать задачи, возникающие при систематизации норм Особенной части УК РФ и квалификации преступлений. В то же время объектом уголовно-правовой охраны следует признавать человека в системе общественных отношений, нормальное функционирование которых обеспечивает его развитие. Это позволит признавать преступлением причинение вреда не только полноценной личности, но и новорожденному, а

также лицам, страдающим психическими расстройствами, и не признавать преступлением причинение вреда в состоянии необходимой обороны, поскольку виновный, посягая на потерпевшего, выходит из системы охраняемых отношений.

С целью приведения в соответствии структуры Особенной части УК РФ с положениями Конституции РФ и устранения конкуренции норм, устанавливающих наказание за посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство лиц, осуществляющих служебную деятельность или общественный долг, следует исключить нормы, предусмотренные статьями 295—297, 317—319, 321 УК РФ, дополнив статьи 115, 116, 119, 128.1 УК РФ квалифицирующим признаком: «...в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности (при исполнении служебных обязанностей) или выполнением общественного долга», соответственно увеличив размер наказания. Главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» целесообразно дополнить нормой об ответственности за угрозу уничтожения имущества в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Список литературы

1. *Архангельский А.М.* Курс лекций по марксистско-ленинской этике. — М., 1974.
2. *Барулин В.С.* Социальная философия. — М., 1999.
3. *Бойцов А.И.* Действие уголовного закона во времени и в пространстве: Моногр. — СПб., 1995.
4. *Векленко В.В.* Квалификация хищений: Моногр. — Омск, 2001.
5. *Верина Г.В.* Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания: Моногр. — Саратов, 2001.
6. *Вишнякова Н.В.* Объект и предмет преступления против собственности: Моногр. — Омск, 2008.
7. *Дрожжина Е.А.* Проблемы методологии исследования объекта преступления // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2013. № 2.
8. *Дроздов А.В.* Человек и общественные отношения. — Л., 1966.
9. *Емельянов В.П.* Концептуальные основы исследования объекта преступления // Право и политика. 2002. № 10.
10. *Загородников Н.И.* Преступления против здоровья. — М., 1969.
11. *Замосковцев П.В.* О многообъектности преступных посягательств // Проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. тр. — Омск, 1978.
12. *Зателепин О.К.* К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1.
13. *Землюков С.В.* Классификация объектов и последствий преступлений // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правопримени-

тельной практики: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. — Красноярск, 2000.

14. *Исмагилов И.А., Осипов П.П.* О системе уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на личные интересы граждан // Вестник ЛГУ. 1971. № 23.

15. *Кауфман М.А.* Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления: Моногр. — М., 2007.

16. *Козлов А.П.* Понятие преступления: Моногр. — СПб., 2004.

17. *Корякина Е.А.* Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2011.

18. *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система: Моногр. — СПб., 1999.

19. *Кузнецов А.В.* Охрана личности в советском уголовном праве // Советское государство и право. 1971. № 9.

20. *Курьянов А.А.* Освобождение от ответственности за примирением обвиняемого с потерпевшим по части 1 статьи 318 УК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 4.

21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 3 т. — М., 1955. Т. 3.

22. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. — Саратов, 1972.

23. *Наузов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. — М., 1996.

24. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления: Методологические аспекты. — М., 2001.

25. *Нуркаева Т.Н.* Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми

ми средствами (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2002.

26. *Пашковская А.В.* Курс уголовного права. Учение о преступлении: Общая часть: Учеб. для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М., 1999. Т. 1.

27. *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. — Л., 1984.

28. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека и ее оптимизация / Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: Мат. всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. — Саратов, 2003.

29. *Сидоренко Э.* Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. № 3.

30. *Тер-Акопов А.А.* Ответственность за нарушение специальных правил поведения. — М., 1995.

31. *Ткаченко В.С.* Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998.

32. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. / под ред. А.И. Рарога. — М., 2005.

33. *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. — СПб., 2001.

34. *Шарапов Р.Д.* Физическое насилие в уголовном праве. — СПб., 2001.

35. Энциклопедия уголовного права. — СПб., 2005. Т. 4 «Состав преступления».

Axiological and Functional Approaches to Determination of Object of Crime

Viktor N. Vinokurov,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept. of Criminal Law and Criminology
in Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation

Russia, Krasnoyarsk
vinokursiblaw@mail.ru

The expedience of confession as an object of crime of man and his blessings (axiological approach) or public relations (functional approach) are examines. The author proves that in spite of all attractiveness of confession of crime of man as an object such approach has no practical value.

Keywords: man, crime, public relations, personality, victim.

References

1. Arhangel'skij A.M. Kurs lekcij po marksistskoleninskoj jetike. — M., 1974.
2. Barulin V.S. Social'naja filosofija. — M., 1999.
3. Bojcov A.I. Dejstvie ugovnogo zakona vo vremeni i v prostranstve: Monogr. — SPb., 1995.
4. Veklenko V.V. Kvalifikacija hishhenij: Monogr. — Omsk, 2001.
5. Verina G.V. Prestuplenija protiv sobstvennosti: problemy kvalifikacii i nakazaniya: Monogr. — Saratov, 2001.
6. Vishnjakova N.V. Ob"ekt i predmet prestuplenija protiv sobstvennosti: Monogr. — Omsk, 2008.
7. Drozhzhina E.A. Problemy metodologii issledovaniya ob"ekta prestuplenija // Vestnik MGU. Ser. 11 «Pravo». 2013. № 2.
8. Drozdov A.V. Chelovek i obshhestvennye otnosheniya. — L., 1966.
9. Emel'janov V.P. Konceptual'nye osnovy issledovaniya ob"ekta prestuplenija // Pravo i politika. 2002. № 10.
10. Zagorodnikov N.I. Prestuplenija protiv zdorov'ja. — M., 1969.
11. Zamoskovcev P.V. O mnogoob"ektnosti prestupnyh posjagatel'stv // Problemy bor'by s prestupnost'ju: Sb. nauch. tr. — Omsk, 1978.
12. Zatepin O.K. K voprosu o ponjatii ob"ekta prestuplenija v ugovnom prave // Ugolovnoe pravo. 2003. № 1.
13. Zemljukov S.V. Klassifikacija ob"ektov i posledstvij prestuplenij // Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'ju i pravoprimitel'noj praktiki: Mezhevuz. sb. nauch. tr. Vyp. 3. — Krasnojarsk, 2000.
14. Ismagilov I.A., Osipov P.P. O sisteme ugovno-pravovyh norm, predusmatrivajushhij otvetstvenost' za posjagatel'stva na lichnye interesy grazhdan // Vestnik LGU. 1971. № 23.
15. Kaufman M.A. Probely v ugovnom prave: ponjatie, prichiny, sposoby preodolenija: Monogr. — M., 2007.
16. Kozlov A.P. Ponjatie prestuplenija: Monogr. — SPb., 2004.
17. Korjakina E.A. Zhizn' cheloveka kak ob"ekt ugovno-pravovoj ohrany: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2011.
18. Kropachev N.M. Ugolovno-pravovoe regulirovanie. Mehanizm i sistema: Monogr. — SPb., 1999.
19. Kuznecov A.V. Ohrana lichnosti v sovetskom ugovnom prave // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. № 9.
20. Kuprijanov A.A. Osvobozhdenie ot otvetstvennosti za primirenii obvinjaemogo s poterpevshim po chasti 1 stat'i 318 UK RF // Ugolovnyj process. 2008. № 4.
21. Marks K., Jengel's F. Sochinenija: V 3 t. — M., 1955. T. 3.
22. Matuzov N.I. Lichnost'. Prava. Demokratija. Teoreticheskie problemy sub"ektivnogo prava. — Saratov, 1972.
23. Naumov A.V. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshhaja chast': Kurs lekcij. — M., 1996.
24. Novoselov G.P. Uchenie ob ob"ekte prestuplenija: Metodologicheskie aspekty. — M., 2001.
25. Nurkaeva T.N. Lichnye (grazhdanskije) prava i svobody cheloveka i ih ohrana ugovno-pravovymi sredstvami (voprosy teorii i praktiki): Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — N. Novgorod, 2002.
26. Pashkovskaja A.V. Kurs ugovnogo prava. Uchenie o prestuplenii: Obshhaja chast': Ucheb. dlja vuzov / pod red. N.F. Kuznecovoj, I.M. Tjazhkovoj. — M., 1999. T. 1.
27. Prohorov V.S. Prestuplenie i otvetstvennost'. — L., 1984.
28. Razgil'diev B.T. Ugolovno-pravovaja ohrana zhizni i zdorov'ja cheloveka i ejo optimizacija / Ugolovno-pravovaja ohrana lichnosti i ejo optimizacija: Mat. vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. B.T. Razgil'dieva. — Saratov, 2003.
29. Sidorenko Je. Uslovija osvobozhdenija ot ugovnoj otvetstvennosti v svjazi s primireniiem s poterpevshim // Ugolovnoe pravo. 2011. № 3.
30. Ter-Akopov A.A. Otvetstvennost' za narushenie special'nyh pravil povedeniya. — M., 1995.
31. Tkachenko V.S. Ugolovno-pravovaja ohrana lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov, obespechivajushhij obshhestvennyj porjadok i obshhestvennuju bezopasnost': Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 1998.
32. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast': Ucheb. / pod red. A.I. Raroga. — M., 2005.
33. Filimonov V.D. Ohranitel'naja funkcija ugovnogo prava. — SPb., 2001.
34. Sharapov R.D. Fizicheskoe nasilie v ugovnom prave. — SPb., 2001.
35. Jenciklopedija ugovnogo prava. — SPb., 2005. T. 4 «Sostav prestuplenija».